гировать на это развитие в истории идей только протестами и требованиями запрета. В этой связи стоит упомянуть, что Церковь добивалась монополии на всю сферу выражения духовного содержания, включая духовную поэзию. В этом контексте и ода «Бог» Державина несколько раз попадала в поле зрения церковной критики.[15]

Последствием этой закоснелой позиции была потеря авторитета официальной Церкви. Становится понятным, почему бóльшая часть образованной русской публики во второй половине XVIII в. обратилась к квази-религиозному учению масонов. Об этом кризисе религиозного сознания Державин говорит во второй части своей оды, все же придерживаясь перспективы традиционной веры. Во вселенной бесчисленных миллионов миров, человек, как кажется, исчезает перед Богом: он есть «ничто». Мотив метафизического отчаяния, который намечается здесь, повторяется в следующей строфе, но теперь этот мотив обращается в положительную сторону с помощью еще одного красноречивого сравнения: пусть человек — ничто, но в нем же отражается величие и доброта Бога, как солнце отражается в капле воды:[16]

⟨...⟩
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
⟨...⟩ (VII стр.)

Именно то, что он сотворен по образу и подобию Бога — «Во мне себя изображаешь», — спасает человека от исчезновения в безграничном универсуме Нового времени. Как подобие Бога человек является существом духовным, и таким образом он способен созерцать Бога, что ставит существование Бога для Держави-

---

[15] См.: *Живов В. М.* Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII—начала XIX века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: XVIII—начало XIX века. С. 739.

[16] О мотиве зеркала у Державина ср.: *Pome X.* «Избрал он совсем особый путь» (Державин с 1774 по 1795 г.) // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 247—259. Ср. также параллель из Хераскова к державинскому образу капли, приведенную А. Левицким (указ. соч., с. 346) и *Rosendahl* (указ. соч., с. 64 и сл.). Последний автор особенно подчеркивает значение Клопштока для державинской оды, ссылаясь, между прочим, на знаменитую фразу о «капле на ведре» («Tropfen am Eimer») из его поэмы «Весенний праздник» («Frühlingsfest»). Независимо от всех «влияний» опять становится ясным, в какой мере Державин не только в своем мышлении, но и в своем поэтическом языке прибегает к распространенным в это время формулам.